

В мире много кривых зеркал,
и только одно реальное — это
наши дети.

*Татьяна Чекрыгина, психолог,
психотерапевт, профессор РАЕН*

1

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

На улице с утра стояла сплошная пакость: небо затянулось ровной серостью без погрешностей, а ближе к обеду сентябрьские тучи превратили день в настоящие сумерки. Вот-вот польет с неба. Как же не любил Валерий Витальевич дождь, слякоть, сырость... Не успел подумать о мокропогодице, как лобовое стекло засыпали микроскопичные точки — словно по заказу заморосило.

— Я дурак!.. Я немножко сошел с ума.

Это ж надо, как его плющит, выражаясь языком младшего сына. Эмоции наружу, разговаривает вслух, да с таким театральным пафосом — самому противно. Вероятно, пьеса, не нарочно разыгранная им, должна была бы убедить самых черствых зрителей, что Болотов говорит чистую правду и достоин жалости.

— Нет, я идиот, идиот... Надо мной все будут смеяться! Будут, будут! Сам смеялся, кстати, не раз. Ну зачем мне все это?

На самом деле убеждать некого, некому и оценить степень переживаний — насколько они правдивы, некому пожалеть его. Ни для кого не разыгрывался спектакль, нет. Болотов находился в салоне автомобиля один, общался сам с собой, потому и дал волю

внутренним стихиям. Механически отмечая в уме дорожные знаки, сигналы светофоров, на автопилоте он жал на педали газа и тормоза — Валерий Витальевич доверял себе. Руль-то держал в руках чуть ли не с пеленок, скорей всего, и первые слова сказал не «мама» или «папа», а «машина» и «бензин».

Так что же делать ему? Болотову не хватало решимости разрубить узел, а он не трус, не слабак, не тюфяк. Но проблема... Но переживания... Но совесть... Эдак напрямик к инфаркту приехать можно, как раз в этом дивном возрасте (слегка за пятьдесят) сердце и дает сбой, особенно у мужиков. Впрочем, Валерий Витальевич здоровьем не обделен. Внешностью тоже. Удачей — безусловно.

— Тянуть не имеет смысла, — уговаривал он себя.

И кружил без цели в центральном районе да вокруг собственного дома, отменив все дела и удрав с работы. Ну, может быть, набирался смелости и сил разрушителя, ибо предстояло разрушить собственную жизнь... или не разрушить — каков будет выбор. На выборе он и застрял.

* * *

В тот же час пожилая сухощавая женщина, одетая с поползновением на шик в лиловое пальто в форме трапеции с большими накладными карманами и экстравагантную шляпу с широкими полями (несмотря на невысокий рост), нервно оглядела заросший тупик в парке. Странно, Вера Ефимовна засомневалась — туда ли попала. А ведь другого парка (к тому же в центре города), где стоит одинокая деревянная беседка, которой лет двести, нет. И никогда не было.

Деревья и кусты, раскрашенные в оранжево-багровые тона, выглядели безобидно, но это все равно

не принесло спокойствия, бедняжка никак не могла отдышаться. Не заметив ни одной человеческой фигуры среди осеннего буйства, подернутого полупрозрачной дымкой тумана, Вера Ефимовна зашла в почти развалившуюся беседку. О, как хотела бы она, чтоб эта гнилая постройка исчезла, растворилась в тумане, тогда, возможно, свидание не состоится. Она до спазмов в горле почему-то боялась этого randevu.

А предстояло ей встретиться здесь с... кем-то. Именно с кем-то, по-другому не скажешь. Это значит, Вера Ефимовна не знала, кто назначил ей свидание и зачем. Но она пришла. Не могла не прийти. Нет, она бежала, выбиваясь из сил, рискуя упасть замертво. И теперь реально ощущала величину своего потрепанного сердца, которое бешено колотилось, словно пыталось разбить грудную клетку и попрыгать вокруг хозяйки. В ее годы беготня и психические перегрузки чреватые непоправимыми ударами по здоровью.

Надо сказать, Вере Ефимовне давали намного меньше предательских паспортных данных. Она не старуха — о нет! Она дама, регулярно и тщательно следившая за собой — масочки, укольчики, мезотерапия, диеты, стильная одежда... И вот тебе уже всего лишь где-то как-то пятьдесят с малюсеньким хвостиком. Но это внешний фактор, на самом деле груз прожитых десятков давит на плечи, пригибает к земле поближе, будто намекая: скоро, скоро займешь свое законное место.

Вера Ефимовна проверила рукой — крепок ли остаток скамьи вдоль дощатой стены, присела на край и задумалась, одновременно переводя дух. А как отдышалась, достала из кармана пальто сверток. И не решилась развернуть. Только руки с сиреневым

маникюром подрагивали, пристраиваясь к свертку, чтоб аккуратно достать кое-что неприятное... Нет, не смогла. Она сжала ладони в кулачки, опустила их на колени и рассматривала скомканную газету, подробно вспоминая, как получила этот сверток.

Дней десять назад, или чуть больше, сидела она в сквере, отдыхала. Вера Ефимовна всегда отдыхает после походов по магазинам в небольшом уютном скверике, где есть деревянные скамейки, детская площадка, искусно стриженные кусты и много густой тени от каштанов. Свечерело, потянуло прохладой, а уходить не хотелось. Из внутреннего кармана Вера Ефимовна достала стальную бутылочку и сделала пару глотков, наслаждаясь чудным вкусом кальвадоса. Напиток стоил того, чтобы им наслаждаться, а не проглотить залпом. Зятю привезли кальвадос из Франции в качестве презента, а теща тайком отлила в свою бутылочку, пусть теперь он докажет, что это она стырила — в доме полно народу. У зятя спиртного — все равно что в алкомаркете, Вера Ефимовна всегда дегустирует алкоголь без спроса, ибо не балует зятя родную тещу изысканными напитками. Да-да, никогда не угощает, бессовестный. А ей хочется. Ей все хочется попробовать, изведать, узнать. На то и жизнь дана, жаль, слишком коротка она...

И в тот миг, когда понесло молодежавую старушку на философию под сенью каштана, когда задымилась сигаретка в костлявых пальцах с молодежным маникюром, подбежала шустрая девчушка лет двенадцати на тонких ножках и, положив сверток ей на колени, выпалила:

— Это вам передали. — И убежала вприпрыжку по аллее.

Разумеется, Вере Ефимовне не пришла в голову мысль, что это бомба или еще какая гадость.

Женщина она, так сказать, глубокая пенсионерка, не политик, не бизнесвумен — некому и не за что подсовывать ей бомбы с гранатами, потому смело развернула газету и...

Внезапно у нее перехватило дыхание. Это было хуже бомбы. Ей подкинули напоминание, что одновременно явилось неким знаком. Да, да, это знак. Плохой к тому же, в этом не было сомнений — иначе зачем эту вещь таким нелепым способом передавать? Но Вера Ефимовна все равно не понимала, что означает знак, точнее — что предвещает. Только нюхом, как беспородная и голодная собака чует кусок спрятанной колбасы, она почуяла злую насмешку, предупреждение, неосознанную угрозу.

Прошло несколько дней. Вера Ефимовна ни на секунду не забывала о «подарке», всегда носила его с собой, чтобы никто из домашних случайно не обнаружил и не пришлось бы объясняться. Она ждала. Ждала, каков будет следующий шаг дарителя, ведь для чего-то он подкинул ей эту вещицу, должен еще дать знать о себе. Не являясь душой, Вера Ефимовна подготовилась: купила газовый баллончик, хотя пистолет был бы надежней. Пистолет — это внутренняя стабильность, но кто позволит выдать оружие пожилой даме? У зятя есть пистолетик, но до него не добраться, муж дочери либо в кармане его носит, либо в сейф кладет.

Дождалась Вера Ефимовна и следующего «привета». Смотрела однажды вечером аналитическую передачу — о, политика весьма интересное явление, эти передачи ею не пропускались. К тому же ей нравилось козырять фразеологизмами из набора политиков перед друзьями дочери и зятя. Со старушками-соседками она не дружила, бабки на скамейках во дворе — это пошло, давит на психику загробный

менталитет и убогое понимание действительности. Вдруг на мобильный поступил звонок, когда она уже перестала ждать пресловутого второго шага:

— Здравствуйте, Вера Ефимовна.

— Кто вы?

— Вы получили одну вещь, надеюсь, узнали ее.

Конечно, узнала! Но голос... Это был не голос, а звук из ржавой трубы — стальной и в то же время глухой, будто не человек говорил, а... робот, к примеру. Неестественный тембр, дурацкая загадочность, напоминание, лежавшее на дне сумки, нехорошие предчувствия — все это до жути пугало Веру Ефимовну. Она поняла, что ответа на свой вопрос не получит, от растерянности задала следующий:

— Вы мужчина или женщина? (В трубке гробовое молчание.) Откуда у вас мой номер? (Молчание.) Что вам нужно, черт возьми?

Видимо, этого вопроса и ждал «робот», ибо сразу же отчеканил без интонаций и пауз:

— Встретимся послезавтра в час дня в городском саду у деревянной беседки возле оврага. Приходите одна — это условие нашей встречи. Никто не должен знать, куда вы идете. Повторяю: никто не должен знать о нашей встрече.

— А если я не приду?..

Объяснять, что будет в случае «не приду», робот не удосужился. Она слушала короткие гудки и в замешательстве закурила, взяв сигарету из пачки, которую оставил в гостиную зять. Не услышала, как вошла дочь, держа вазу с фруктами.

— Мама! — ахнула она. — Ты же бросила курить!

Голос дочери Веру Ефимовну не способен напугать ни при каких обстоятельствах, старушка даже не вздрогнула, а задумчиво произнесла:

— Да? Бросила? Когда?

— Пять лет назад!

— Неужели?.. Извини, я забыла. Пойду... прилягу... Устала.

Она ушла, оставляя за собой хвост сигаретного дыма. И уже очутившись в смежной комнате, слышала, как дочь кому-то сказала, а может, просто произнесла мысль вслух:

— Вот и склероз пришел.

Вера Ефимовна не обиделась. Ерунда все это. А вот то, что ее вынуждают прийти на свидание, сохраняя договор в тайне, следовательно, нагоняя на бедную старушку страху с ужасом вперемежку, это серьезно. Помимо страха ее разъедало любопытство. Вера Ефимовна перебирала все возможные варианты встречи и выстраивала линии обороны, заодно взвешивая: идти или не идти.

Страшно. Из-за дурацкой таинственности страшно.

Мучаясь денно и ночью, она пришла к выводу, что все же один положительный фактор в странности имелся: свидание назначили на час дня. Среди бела дня вряд ли ей грозила беда — правильно? Преступления когда совершаются в подавляющем большинстве? Естественно, в темное время суток. Ночь — друг преступника. Этого было довольно, чтобы Вера Ефимовна отважилась на встречу с неизвестностью.

И вот она здесь, в городском саду у беседки возле оврага. От сырости продрогла, ко всему прочему небо обещало скорый потоп и даже заморосило, а она впопыхах не захватила зонт.

— Здравствуй, Вера Ефимовна... — раздался поблизости приятный голос, но она вздрогнула, потому что все, что ждешь, приходит почему-то неожиданно, и оглянулась... Тайна не приоткрылась

мгновенно, к глубокому ее разочарованию. И только когда рассмотрела холодный взгляд на бесстрастном лице, а главное, услышала вопрос:

— Ты действительно не узнаешь меня? — все поняла.

Этот вариант она даже не рассматривала, не смотря на подсказку, брошенную ей на колени долговязой девчонкой с короткой фразой: «Это вам передали». Потому не подготовилась. Да, да, Вера Ефимовна, можно сказать, банально сунула голову в песок, как страус. Но у страуса головка маленькая, мозгов там — с гулькин нос, а она все-таки с большой человеческой головой... Неужели и у нее с возрастом мозг стал меньше размером? Нет, она просто вытравила в себе все, что напоминало о нечистой совести, ее совести. Она сумела забыть за давностью лет, да и жилось ей, в общем-то, прекрасно... но ведь за чужой счет так жилось.

Вера Ефимовна привстала, чувствуя, как мелко дрожат коленки. Ее глаза слезились, а губы беззвучно шептали:

— Не может быть...

* * *

В сущности, Болотов лукавил. Можно сказать, немножко рисовался перед собой же, ведь и в своих глазах желательно выглядеть жертвой, а не палачом, чтобы легче было оправдаться. Только вот никак не получалось вылавировать из собственных хитросплетений. Потому что есть один нюанс: разрушая, Валерий Витальевич намерен построить не менее качественное житие-бытие — такова его задача, воля и желание. Но его желание, только его.

Оттого-то на душе и скверно. Да и сомнения, черт их возьми, не пускали к переменам! О, перемены... они всегда тяжелы и непредсказуемы, к ним нужно долго готовиться. И Болотов готовил проникновенную речь:

— Дорогая, пойми, мы переросли друг друга... Нет, так нельзя. Нельзя, нельзя! Звучит как издевательство. Нужно проще... добрее...

Хотелось бы знать, как это — проще? И вообще, что есть — проще? Он застрял на этом непростом слове, не умея его доступно объяснить, а ведь употреблял. И ого сколько раз. Употреблял правильно, но сейчас смысл почему-то ускользал от него. А это важно — понять смысл до глубины.

Поворот! Чертыхнувшись, Валерий Витальевич крутанул руль. Машина, визжа колесами, на полном ходу повернула вправо, из-под колес вверх взметнулась стена воды — дождь и вчера лил, и позавчера, лужи не успевали высыхать. Всю неделю стоит дрянь, а не погода. И настроение абсолютная дрянь.

Машину занесло... Болотов едва справился с управлением. Вот что значит — перейти на режим автопилота. И это в совершенно трезвом состоянии. Поворотник не включил, скорость не снизил, пролетел через зебру, как дурная пуля. А если бы пешеход шел? Идиот! Он же не хочет ни своей, ни чужой смерти.

Валерий Витальевич отер пот со лба ладонью в замшевой перчатке и мысленно поблагодарил судьбу, что простейший маневр при потере контроля завершился без жертв. Опять это слово — просто, простейший, простой, проще... добрее... А уж доброта в его случае — полный абсурд.

— Так, спокойно, — сказал он себе. — Куда ты, Валера, спешишь?

Действительно, куда? Не на тот свет, уж это без сомнения. Он снизил скорость до 30 км, автомобилей все равно мизер на проезжей части, пресловутой скорости общего потока нет, можно ехать как за-благорассудится.

От тонких нитей дождя помутнело пространство, растушевав очертания всего, что окружало и проезжало мимо. Этот размытый фон надежно укрыл ехавший наперерез автомобиль. Заметил опасность Валерий Витальевич в самую последнюю секунду, дал по тормозам, только это уже не могло помочь.

Бааах!!! Дзинь... дзинь... — перезванивались осколки, посыпавшиеся на мокрый асфальт.

Иномарка стального цвета, выезжая на проезжую часть из переулка, нагло вписалась в нос автомобиля Болотова. Катастрофического столкновения не случилось, лишь образовался прямой угол: фара воткнулась в фару, отсюда и характерный взрыв, осколки... Вот только этого не хватало!

— Черт!!! — взревел Болотов после первичного шока, нервически открывая дверцу. Он вылетел из салона в полной уверенности, что свернет челюсть дорожному бандиту, вырвет ему руки-ноги, а после и голову открутит! Открутит и выбросит, тупицам и дуракам голова не нужна! Ух, как чесались кулаки... Да за свою железную лошадку премиум-класса Валерий Витальевич запросто порвет на тесемки!

В то же время, когда он готовился к мордобитию (кстати, это не его стиль общения), из стальной иномарки спокойно, не торопясь, выплыла молодая особа. За секунду в голове Валерия Витальевича отпечатались детали: бежевое кашемировое пальто свободного кроя и с широченными рукавами... лайковые перчатки по локоть... аккуратная стрижка... волосы очень темные... серьги в ушах скромненько

сверкнули... Лет ей, наверное... Впрочем, возраст женщины — это шарада! Собственно, Болотов и не пытался угадать, сколько лет припрятала за шиком дорожная бандитка. Он скрежетал зубами, в гневе сжимал кулаки, его ноздри раздувались. В миг тяжелого выбора, когда зашкаливают нервы от избытка напряжения, достаточно ерунды, чтобы сорвать зло на первом встречном. И вдруг такой отличный повод спустить негатив...

Тем временем агрессорша, не задержав на нем взгляда ни на секунду, прошествовала к месту столкновения, присела на корточки, подобрав полы пальто. Она рассматривала «поцеловавшиеся» фары с нетипичным интересом и без паники (что возмутительно!), словно в месте столкновения была полка с косметикой! Куда ж тут отрывать руки-ноги-голову! Но выход-то негативу должен быть? В бессилии Валерий Витальевич, не найдя закономерного применения кулакам, зарычал на дорожную террористку:

— Прежде чем садиться за руль, надо правила выучить! Чтоб от зубов! Чтоб среди ночи!.. Вы хоть какое-то представление имеете, что такое главная дорога?

Она подняла лицо. Красивое, надо признать. Очень. А красивые женщины, к тому же молодые и дорого одетые, «цены себе не сложат». Мерзавка решила выехать на проезжую часть, не считаясь с движением по главной дороге! Мало того, на ее личике Болотов не прочел ни капли сожаления, расстройства, раскаяния! Да хоть бы капризная гримаса отпечаталась: мол, вот дядька поганый, разбездил-ся тут и помешал моему величеству проехать. М-да, в отличие от Болотова, она — само хладнокровие. Наверняка девочка из мажорного клана, папа купил